

Более полувека – 54 года – Ольга Сергеевна разделяла радости и горести совместной жизни с Василием Ивановичем Беловым. Была не только верной супругой, но и надёжной помощницей в творческих устремлениях – давала советы, вычитывала рукописи, находилась в «курсе» писательских забот. Когда мужа одолевали недуги, милосердно ухаживала за ним. Это благодаря и её инициативе «обитель» Беловых в доме на Октябрьской улице в центре Вологды превратилась в музей-квартиру писателя В.И.Белова. Здесь и состоялся наш разговор, а позже был продолжен в Москве.

– Расскажите, Ольга Сергеевна, о своей семье. Где Вы родились, какие Ваши корни?

– Я родилась в городе Грязовце. Родители у меня учителя. Мать – Чучнева Мария Васильевна – была учителем русского языка и литературы. Она с отцом не расписывалась. В те годы, в начале XX века, это считалось мещанством – скреплять официально брак.

– Прогрессивными, значит, были Ваши родители?

– Да, прогрессивные такие! (Смеётся). Отец – Забродин Сергей Дмитриевич, преподаватель истории, но занимался партийной деятельностью. Я – урождённая Забродина. Он был ещё совсем молодой и работал по комсомольской линии.

Моя мама – Чучнева Мария Васильевна, родилась в Петербурге в 1906 году. Помнила ещё какие-то эпизоды из предреволюционной эпохи. Няня выводила её гулять за ворота дома, где они жили. Однажды девочка увидела полицейского, в которого стреляли революционеры. Няня быстро увела её, но она надолго запомнила страшную сцену.

– Детская память очень цепкая!

– Да, запомнила, и мне, спустя годы, рассказывала. Она жила в Петербурге до 14 лет. После началась революция. В 1920-м или 1921-м году её отец, а мой дед, Василий Александрович Чучnev, стал собираться в отъезд из Петербурга. Он был человеком довольно обеспеченным, имел магазин мужской одежды около Невского проспекта, и, кроме того, входил в кампанию по продаже швейных машин «Зингер».

Вообще, корни моей родословной, если посмотреть внимательно, довольно интересные. Это всё не выдумка, мой двоюродный брат нашёл сведения в архиве в Москве. Мой прапрадед, а он был грязовецкий, служил в русской армии, участвовал в Бородинской битве, дошёл до Парижа. Он был ранен, имел царские награды. За все заслуги ему пожаловали дворянское звание. Имения предки не имели, но были дворянами. И дед мой этим гордился.

Но когда случились все эти события революционные, естественно, начались репрессии. И дед, чтобы скрыться и остаться целым и невредимым, поехал в места, где была его родина – в город Грязовец Вологодской губернии. Только он приехал в Грязовец, как заболел тифом и умер.

Вот такая невесёлая история.

У вдовы деда осталось четверо детей, мама моя, то есть Мария, была старшей. Да, они скрывали, что дворяне, очень скрывали.

– Тогда всё это нельзя было и говорить.

– Да, они молчали о дворянском звании, а также о том, что были зажиточными. Я только много лет спустя узнала от мамы об этом. Мама что сделала? Она вступила в комсомол, надела гимнастёрку, красную косынку повязала, кобуру на пояс повесила, но кобура была пустой. Это для формы!

Конечно, она не стреляла в людей никогда. Василий Иванович даже исследовал «этот вопрос». Он мне как-то говорил: «Может, и твои крестьян раскулачивали?» Я ему ответила: «Хорошо, исследуй!»

Ольга Сергеевна и Василий Иванович Беловы

И когда он ездил и узнавал, как крестьяне репрессированные жили на Севере (тогда он писал роман «Час шестой», то зашёл в архив в Ненецком автономном округе. Там отец мой около года работал первым секретарём окружкома. Василий Иванович ничего компроментирующего моего отца не нашёл (смеётся).

Потому что, оказалось, они занимались субботниками всякими, лесосплавы всякие организовывали, а самое главное – боролись с неграмотностью. Это было их основной работой.

Отец у меня как-то быстро шёл в гору, делал карьеру в комсомоле. Он работал в Архангельске, был в Белоруссии, правда, там он служил политработником. Потом его снова взяли в Вологду – такая, в общем, история. Мы всё время переезжали. Мама всё время удивлялась, спрашивала отца: «Что, Сергей, опять переезжаем?»

Мои последние детские воспоминания связаны с тем, как мы жили уже в Саранске.

– Так далеко от Вологды, в Саранск? Почему, Ольга Сергеевна, Вы там оказались?

– Папу назначили первым секретарем обкома комсомола Мордовской республики, и мы приехали в столицу республики – Саранск. В то время «вездесущие люди» подобрались к Косареву, первому секретарю ЦК комсомола. С ним мой отец был хорошо знаком и, пожалуй, даже дружил. По ложным доносам первого секретаря Косарева расстреляли, а всю комсомольскую организацию страны, в том числе и Мордовской республики, объявили троцкистской, то есть получилось, что отец у меня «троцкист». Их уже всех прогнали из обкома комсомола.

– Василий Иванович в беседе с Рональдом Аполлоновичем Нелениным, которая проходила в Университете в Петербурге, как раз говорил, что его тесть пострадал из-за Косарева.

– Рассказывал?

– Да, я слушал запись этой беседы.

– Тут мы всей семьей почувствовали, что дело серьезное. И отец уехал подальше, переждать, когда всё затихнет. Он уехал в село Шуйское, знаете такое село, не так далеко от Вологды?

— На реке Сухоне! Знаю, это райцентр. Село Шуйское связано с именем поэта Николая Рубцова, там жила его первая любовь. Он часто плавал туда на пароходе. Николай Рубцов дружил с Василием Ивановичем, но это было уже, конечно, гораздо позже...

— Да, так вот в это село отец и уехал. Он решил, что село Шуйское далеко, до него не доберутся, это глухой «медвежий угол», доехать туда не просто. Он уехал в Шуйское вместе с мамой. В райцентре папа устроился работать в средней школе учителем истории, ещё географию ему дали, а мама в этой же школе вела русский язык и литературу.

Но, к сожалению, укрыться им не удалось. В 1938 году ночью пришли к родителям в дом, и абсолютно без всякого суда и следствия взяли и увезли отца. Мама осталась со мной маленькой, а отцу дали восемь лет и отправили в ГУЛАГ.

Он строил Воркутинскую железную дорогу. Условия были тяжёлыми, кругом тайга, а дальше тундра. Папа простудился и сильно заболел. И чуть, было, не умер; весил он пятьдесят с небольшим килограммов. Там, в лагере, всё же попадались хорошие люди; они сжалились над ним, отправили в Няндому Архангельской области делопроизводителем в тюрьму — тем мой отец и спасся от смерти. Через восемь лет срок у него закончился. А мама так и работала в Шуйском, она была деловая, организатор хороший. Если в школе по коридору шла Мария Васильевна, все стихали. Литератор она была прекрасный. Вот от неё у меня любовь к литературе. И, может быть, это позже и свело меня с Василием Ивановичем.

Мама была очень увлечена литературой. Она ставила школьные спектакли, причём, ставила классику. Я очень хорошо помню, как «синили» платьице Русалочки из поэмы Александра Пушкина «Русалка». Ещё помню, как искали какие-то старые платья к пьесе Островского «Свои люди — со-чтёмся». Мы делали из наждачной бумаги статую Командора к маленькой трагедии Пушкина «Каменный гость» (*смеётся*).

— Из наждачной бумаги? Даже не могу себе представить!

— Костюмов не было, ничего не было, всё старались делать своими руками. У нас был школьный клуб. И когда спектакли ставили уже на сцене, то смотреть приходило все село Шуйское.

Дальше, стенгазеты были вот от одной стены и до другой, такие большие стенгазеты, старшеклассники писали стихи, прозу. Мама очень хорошо читала стихи, любила поэзию. Я забиралась на шкаф, потому что было холодно. Мама, закутавшись в платок, проверяла сочинения ребят, и говорила мне: «Оля, ты посмотри, как о Базарове написал Саша Ранцев! Ты только послушай!» А Оля и была-то всего во втором классе.

— Поделиться надо было Марии Васильевне впечатлениями от сочинений ребят?

— Да, поделиться хотелось. А Оля, то есть я, сидела маленькая в пальтишке, на шкафу, внизу в квартире коптилка горела. Я писала «Былину о Сталине». Помню, рыжими чернилами, макала ручку и писала. То есть, какие-то позывы к творчеству у меня были уже с малых лет.

-Былину даже? Очень интересно! Можно узнать подробности.

— Да, даже былину. Всё — из книг. Мы все жили книгами, а в них я прочитала русские былины, и захотела свою посвятить Сталину. Мои представления об окружающем мире, в отличие от представлений Василия Ивановича (он шёл от жизни) были от книг, у меня было другое, я из книг начинала всё познавать.

Дальше вот что случилось. Мама поссорилась с директором школы, и не вышла на работу принципиально. У неё был характер волевой. Причину их ссоры я не знаю. Её вызвали в облоно — Областной отдел народного образования. Она вошла в кабинет заведующего и спросила: «Скажите, пожалуйста, сколько доминионов в Англии?» А он сидит, ничего не отвечает — он не знал (*смеётся*). «Вот и я, — сказала ему Мария Васильевна, — тоже не знаю, сколько доминионов, директриса, кроме литературы и русского языка, нагрузила меня ещё и географией». Заведующему облоно это... так понравилось, что он взял её на работу инспектором.

— За смелость?

— Да, за смелость. И у неё были подопечные районы — Грязовецкий и Великоустюгский. Она туда ездила. Однажды подруга мамы, у которой муж был энкавэдэшник, тихонько шепнула: «Маруся, поезжай в деревню, потому что твой Сергеевич вот-вот должен выйти из заключения, но снова будет волна арестов. Если он будет в городе, его заберут скорее».

Мама тогда всё бросила, пришла к заведующему облоно и попросила: «Отправьте меня директором школы в деревню». И её отправили в Погибловскую семилетнюю школу, от Грязовца в 16 кило-

метрах. Всё было сделано абсолютно правильно. Потому что, когда отец пришёл, даже в Грязовце забирали всех из бывших арестованных, а его не забрали, его эта участь миновала.

— Иными словами, отпустили и снова забирали? А на каком основании, по каким причинам?

— Разве кто-то искал основания, причины? Нет, не искал. Это были 1951–1952 годы, тяжёлое время, просто ужас какой-то. И отца, благодаря расторопности мамы, не взяли опять в тюрьму. И мама, конечно, приняла его к себе на работу в школу. Историю ему преподавать не разрешали – «врагу народа» нельзя преподавать историю – он вёл русский язык и литературу. После смилиостились, наконец, дали ему историю.

И мы некоторое время спокойно существовали в Погибово. Мама была директором школы, боевая такая. Там живописнейшее место. Когда-то купцы питерские приезжали туда на отдых. От нас недалеко была усадьба Брянчаниновых, она даже видна была, за Юрловом. Сама школа находилась в одном из купеческих домов.

Мы когда с Василием Ивановичем были во Франции, ездили смотреть замки по реке Луаре, нам показывают замок, а я говорю: «Так, это же наша школа!» Русский купец, когда строил, использовал какие-то западные архитектурные элементы, почти то же самое: веранды с цветными витражами, с цветными стёклами, расписные потолки. Я нигде не видела таких печей, инкрустированы изразцовыми плитами с позолоченными святыми ангелочками, с виноградом; это всё сохранилось, всё это было в нашей школе. Даже старые книги, даже Энциклопедия Эфрона и Брокгауза. И я опять попала в мир книг.

Я закончила Грязовецкую среднюю школу. Но некоторое время училась и в Вологде, мама отпра-вила меня в «образцовую женскую школу».

— Была такая школа?

— Да, была такая «Образцовая 3-я женская школа». Тогда славились 8-я школа, 1-я школа и 3-я женская. Это как ехать к мосту 800-летия, сейчас там находится какое-то ведомство. Двухэтажное здание, принимали туда учениц немногих, но, поскольку у мамы в Вологде связи ещё остались, она меня туда и устроила. Но были бытовые трудности, я жила в большом городе, естественно, одна, и мама взяла меня обратно, и я уже заканчивала обучение в Грязовецкой средней школе. Очень любила литературу, писала стихи, потом поступила на филфак института в Вологде.

— Я вообще-то, мечтала поступить в Литературный институт. Это у меня была голубая мечта. Я послала документы в Москву.

— Вы стихи послали в Литературный институт?

— Послала заявление и запрос. Они попросили прислать печатные работы. У меня печатных работ не было. Я ходила в творческий кружок в институте. Но не решалась подавать куда-то свои стихи печатать. И правильно сделала. Стихи были бездарные. Правильные, грамотные, но настолько неинтересные, совершенно не интересные. И вот тут я – умница, сумела понять, что поэтического дара нет, сама себя хвалию (*смеётся*).

Я уже кончала пединститут, когда родители переехали в Грязовец, у меня там вся родня, всё у меня связано с Грязовцем. Я каждое воскресенье ездила туда, у меня кавалеров было много. Я ходила тогда, естественно, без очков, не скажу, что я была красавица, но была нормальная девушка, как и все молодые девушки, со своим обаянием.

Дальше вот что случилось. В Вологде я открываю областную газету «Сталинская молодёжь», а там напечатана подборка «В добрый путь» – стихи Василия Белова из Грязовца. Меня стихи заинтересовали, даже сейчас помню их названия – «Ива», «Лыжница»… Стихи у Василия Белова были не такие, как мы писали о любви, о природе и прочее.

А тут я прочла: Господи, глубина-то какая!

Я удивилась: почему я его не знаю? Я в Грязовце живу и ничего не знаю, что такое?

У меня в Грязовце кавалер был. Я при встрече спросила его: «А ты знаешь Белова?» Он ответил: «Конечно, знаю». Ну, я его тогда попросила: «Познакомь меня с Беловым». Он пообещал мне это сделать.

Мы пришли на танцы. И он меня подвёл к Василию, или Василия ко мне – теперь я уже точно не помню. Но мы встретились на танцах.

— А где танцы эти были?

— В Грязовецком Доме культуры, где все танцевали – и простой работяга, и сын секретаря райкома. Вот кавалер и познакомил нас. Василий на меня – ноль внимания. «А, здрасьте, здрасьте,

Василий, Оля», и всё – побежал. Я про себя возмутилась. Такое отношение? Да сколько ребят ко мне не равнодушными были! А тут? Какой хам? Что такое?

– **Зашепил, значит, Василий Иванович Вас, взволновал с самой первой встречи?**

– Зашепил, да ещё как! Ещё больше, чем я думала. А после я перестала думать о нём, я же не всегда ездила в Грязовец, поскольку ещё доучивалась в институте. Потом всё сложилось так. Я практику проходила в средней школе, где я учились, была уже на четвёртом курсе. На практике попала к учительнице Зверевой, очень интересная женщина. Она хорошо преподавала литературу, а муж у неё тоже интересный был – диссидент, его выслали из Москвы, Липелис Александр. Выслали за какие-то нигилистические взгляды. Он преподавал в Грязовецкой вечерней школе рабочей молодёжи. А Василий пошёл учиться туда, они подружились. Однажды я прихожу с конспектом к Кате, а там сидит Вася, он беседовал с её мужем о поэзии.

– **Выходит, неожиданно случилась вторая Ваша встреча с Василием Беловым?**

– Да, встречи этой я не ожидала. После была третья, я ещё раз приходила. И всё – мы с ним подружились. И он ко мне потянул. Была вначале дружба именно на почве поэзии. Мы с ним вели разговоры о стихах, о литературе. Нас поэзия связала. Мне с ним было всегда интересно. Что меня удивило? Сейчас очень многие говорят, что он был деревенский. И даже Виктор Иванович Лихонов, который очень любил Васю, написал где-то, что он на всю жизнь остался «деревенским».

– **Ольга Сергеевна, Вы с такой оценкой Виктора Ивановича не согласны?**

– Не согласна, конечно. Какой он «деревенский»?! Ничего подобного! Вася уже к тому времени, когда я с ним познакомилась, пожил и поработал в Ярославле, в Перми, в Ленинграде, ходил в этих городах во всякие объединения литературные. Когда он мне сказал, что он из деревни, я очень удивилась, потому что по нему этого нельзя было понять. Потом-то я выяснила, какие корни у него были. Поначалу ничего этого абсолютно не было, ни капельки этого не чувствовалось. С ним так было интересно говорить, причём, на поэзию, на литераторов у него были свои оригинальные взгляды, необычные просто, по крайней мере, для меня.

То, что говорят на лекциях – это одно, а Василий Иванович говорил совсем другое. Я удивилась тому, что некоторые положительные герои ему не нравились, отрицательные герои, наоборот, нравились.

– **То есть, у него был свой взгляд на литературу?**

– Да, буквально на все. Вот этим он меня уже сразил. Ну, мы близко дружили, дружба перешла в любовь. И поскольку он человек очень решительный и быстрый, то довольно скоро сделал мне предложение выйти за него замуж.

– **Вы уже тогда преподавали в школе?**

– Нет, у меня всё ещё шла практика, она была долгая – полгода. Я как-то так неопределенно отнеслась к его предложению. И он как бы, вижу, обиделся. Родители мои жили ещё в деревне, это потом они переехали в Грязовец. Ну, вот ещё были в деревне, в Погиблове. И он отправился к ним, очаровал их совершенно, моих родителей (*смеётся*).

– **Молодец, Василий Иванович! Как звучало в песне Вашей молодости: «В любви надо действовать смело, задачи решать самому, и это серьёзное дело, нельзя доверять никому...».**

– Мать мне говорит: «Ты что? Ты что? Парни у тебя какие-то совершенно глупые, они же глупые все. А Вася Белов – это, действительно, человек серьёзный, человек глубокий. Ты почему не чувствуешь этого и не видишь?» Я, прямо скажу, не знала, что ей ответить. Она ещё более меня убедила в том, что мой избранник не случайный. Я дала ему согласие.

Тогда я была уже на 5 курсе, и вот в феврале в 1958 году мы поженились. Таким образом, я стала Ольгой Сергеевной Беловой.

– **Василий Иванович в то время работал в районной газете?**

– Да, он тогда был в газете. Но его быстро выдвинули в райком. После того, как он получил аттестат зрелости, его планировали направить в Высшую партийную школу, тем более, что Белов занимал должность первого секретаря райкома комсомола в Грязовце.

В общем, ему светила карьера партийного работника, ему уже прямо говорили об этом.

А вот то, что такого не произошло, – лично моя заслуга, вот как хотите! «Только, Вася, в литинститут! – говорила ему. – Это моя голубая мечта, и ты её должен осуществить. Причем, не заочно, а только очно! Потому что моя мама говорила, что заочно закончить институт, всё равно, что заочно пообедать. Поэтому лучше – очно!»

Я его, так сказать, благословила, и он со мной согласился.

Я смотрю, к нам в гости пришёл Александр Липелис. Вместе с Василием он стал отбирать его стихи в Литературный институт.

Вася отправил туда подборку, быстро пришёл ответ из Москвы: приезжайте сдавать экзамены. Я помню, что он очень боялся иностранного языка, но всё-таки сдал, а приняли его по стихам, по творчеству.

В газете «Московский комсомолец» появилась статья о Литературном институте, о том, что пришла новая плеяда людей, и среди них, говорилось в статье, очень талантливые поэты Иван Лысцов, Валентин Ермаков и Василий Белов. Самые талантливые поэты из того набора.

Ну, Василий Иванович поступил, а потом он, естественно, с Яшиным встретился, очень большую помочь ему в продвижении в литературную среду его стихов оказал Яшин, безусловно. Он сразу увидел талант Белова-прозаика, это заслуга Яшина.

Александр Яковлевич Яшин помог опубликовать повесть «Деревня Бердяйка», за которую Василия Ивановича приняли в Союз писателей, таких было мало в Литинституте – два-три человека, не больше. И Василий Иванович стал уже знаменитостью в институте.

– *На каком курсе его приняли в Союз писателей СССР?*

– На 2 курсе, по-моему. Он меня сразу забрал, ему дали путёвку в Крым, я ни разу не была в Крыму, и Вася ни разу не был, и мы вместе с ним поехали в Крым. Это я хорошо помню.

Дальше у него хорошо складывались дела, стали печатать, всё пошло нормально.

– *Мне, кажется, что период жизни в Грязовце можно назвать началом серьезной творческой деятельности Белова. Эта повесть о комсомоле, работа в газете, очерки, стихи. Вы как считаете, Ольга Сергеевна?*

– Да, вне сомнения, это так. Потом там было литературное объединение при редакции газеты, и Вася очень активно в нём работал.

– *Он же написал повесть «Страшнее всего – тишина», которую напечатал журнал «Молодая гвардия».*

– Она была такая комсомольская повесть, потом была и поэма комсомольская. Комсомол на него очень хорошее влияние оказал. Ведь он в комсомоле на всё смотрел оптимистически, во всё верил, наивность эта...

– *Ольга Сергеевна, но ведь искренне всё было!*

– Искренняя вера была, искренняя. Стихи его были и о Ленине, и о комсомоле. Это всё было искренне, конечно. И потом ещё одно обстоятельство. Он, хотя и родился в деревне, по профессии был рабочим. Но тут знакомился с интеллигенцией, сближался с этой средой всё теснее и теснее. Счастливое это было время, безусловно.

Но с Липелисом он разошёлся. Наверное, по каким-то политическим взглядам, я это не комментирую, поскольку не знаю деталей.

– *Всё меняется, и взгляды меняются, и люди меняются.*

– Александр Липелис прекрасно к нему относился, помогал, это надо признать.

– *Вы когда поженились, жили в Грязовце вместе с родителями?*

– Нет, нет. Отдельно. Он стал первым секретарём райкома комсомола, нам дали квартиру, там мы и жили. Потом, когда он уехал, я с родителями жила, родители переехали в Грязовец, домик у них был. Вася, когда приезжал из Москвы, приходил в этот домик. Однажды к нам в домик приехали Романов, Викулов и, самое главное – Сергей Марков, я помню. Был прекрасный вечер, в центре вечера был Сергей Марков – старый интеллигент. Господи, какая у него была речь, как он много рассказывал о Горьком, о писателях, которых знал. Да, это был великолепный вечер.

– *Ольга Сергеевна, в самой первой книге Василия Белова, поэтическом сборнике «Деревенка моя лесная», изданном в Вологде в 1961 году, есть стихотворение «Соперники» с посвящением – Оле. Вне сомнения, посвящено это произведение Вам. Не могли бы Вы вспомнить его, так сказать, «предысторию»?*

– Как же, хорошо помню. Я после института некоторое время преподавала в Погибловской школе. Вася на каникулы из Литинститута приезжал ко мне. Какие роскошные стенные газеты он мне делал! И писал, и оформлял, как настоящий художник – просто диво! Приходил ко мне на уроки, слушал, иногда даже высказывал какие-то замечания. Вот из этих впечатлений, думаю, и родилось стихотворение.

После многих и долгих месяцев,
И с дороги небритый – пусты,
Поднимаюсь по школьной лестнице,
И к учительской тороплюсь.

Ты листаешь листки тетрадочек,
Хмуришь брови при виде клякс.
И, тебя не окликнув, крадучись,
Прохожу в твой любимый класс.

Вот они в рубашонках ситцевых
Мальчуганы из деревень.
За ребячими этими лицами
Вижу завтрашний светлый день.

Смотрят будущие «коперники»
Изучающие на меня.
Дорогие мои соперники,
Светлобровая ребятня!

Расскажите, чему же учит вас
Здесь учительница одна,
И заметно ли, что соскучилась
Хоть немного по мне она?

Впрочем, вам ещё не положено
Говорить о таких делах.
Но горит огонёк восторженный
У ребят в озорных глазах.

Хитрецы! И уже доверенно
Я киваю им. Вдруг звонок.
Тише! Ольга идёт Сергеевна,
Строгий шествует педагог.

– Некоторые читатели, я встречал их и в Грязовце, на основании последней строфы этого стихотворения уверяли, что Ольга Сергеевна учила Белова в школе рабочей молодёжи, там, мол, они и познакомились.

– Нет, этого не было, это всё фантазии читателей. Ко мне в класс он приходил – мой муж, а не ученик, и было это в Погиблове.

– Начиная с учёбы в Литературном институте, Василий Иванович практически всю свою жизнь был связан с Москвой, где Вы теперь живёте. Как он относился к столице?

– Это отдельная большая тема. Он Москву очень любил. Когда его спрашивали: «Вася, а ты почему так часто ездишь в Москву?», он обычно перед родственниками, перед друзьями, перед Александром Романовым оправдывался: «Да мне же надо, Москва меня кормит». И он, с одной стороны, был прав – в Москве его печатали в журналах, рукописи издавали в издательствах, всё так. Но, с другой стороны, я видела, что он хотел в Москву, его притягивали друзья, выставки, театры. «Ты знаешь, это такой тёплый город, – говорил он мне, – энергичный». Он очень ратовал за то, чтобы русский дух в Москве сохранился, полоскал одного градоначальника за пристрастие ко всему иностранному. И даже написал вот такие стихи:

Заросла ты, Москва, бузиной,
И тебя поделили по-братьски
Атлантический холод ночной
И безжалостный зной азиатский.

Не боялась железных пантер,
У драконов не клянчила милость,

Отзовись, почему же теперь,
Золотому тельцу поклонилась?

Все заставы сгорели дотла,
Караульщики пьяные глухи,
И святые твои купола
Облепили зловещие духи.

Притомяясь в поднебесной игре,
Опускаются с рёвом и писком
В тишину на Поклонной горе,
В суету на холме Боровицком.

Днём и ночью по жилам антен
Ядовитая влага струится...
Угодила в Египетский плен
Золотая моя столица!

– Да, замечательное стихотворение, правдивое, сохранившее остроту и теперь. Ныне Москва выглядит как город, всеми силами противящийся русскому духу.

– Я отмечу, что стихотворение написано в последние годы жизни, вот что удивительно!

– Думаю, оно ещё раз подтверждает, что Василий Иванович начинал как поэт, и всю жизнь оставался поэтом.

– Пожалуй, соглашусь, так оно и было! Возвращаясь к разговору о Москве, ещё скажу, что он очень любил литературные музеи. Когда мы приезжали в Москву, и у нас было свободное время, он тащил меня в какой-нибудь литературный музей, а уж я его оттуда и не могла вытащить. Это теперь обращают больше внимание на внешнее оформление, а раньше были очень содержательные витрины с письмами, рукописями. Васю невозможно было оторвать от экспонатов. «Вот Пушкин! Как он писал, – восхищался Белов. – Как переделывал всё!».

А я ему говорю: «Вася, пошли, всё, устали, да и музей скоро закроют». Вот почему, когда он ушёл из жизни, у меня и возникла мысль превратить квартиру на улице Октябрьской в Вологде в литературный музей, своего рода дань памяти любви Белова к музеям.

– Ольга Сергеевна, не раз приходилось слышать от разных людей, что Василию Ивановичу «везло» на всякие приключения, в повседневности он часто попадал в экстремальные ситуации между жизнью и смертью. Так ли это было, или это очередной миф его поклонников?

– Трудно мне судить, в быту, в повседневности Василий Иванович был очень самостоятельный. В то же время – да, случались неприятные истории. Однажды он поехал на лодке на рыбалку на озеро, любил один рыбачить. Лодка стала тонуть, до берега далеко, до дна глубоко. Всё же он кое-как доплыл до части озера, где был сапropель, он его и спас. В деревню он буквально приполз, потерял столько сил, что не мог идти. Об этом он сам рассказывал.

А вот я была очевидцем другой ситуации. Дядя Василия Ивановича по материнской линии жил в Венесуэле. Как это получилось? Он воевал, был ранен, попал в плен; возвращаться на Родину не стал, потому что многих арестовывали. Он остался за границей, жил в Европе, потом уехал в Венесуэлу, и там долго жил. Но всё же решил вернуться на Родину, выбрал город Моздок и переехал туда. Он нас пригласил к себе в гости, и мы поехали.

Вечером мы пошли погулять на берег Терека. Душно было, Василий Иванович разделся, с ходу – бух в воду. Думал, что это как у нас речка, а там вода ледяная, Тerek же горный. Его начало сводить. Пустынное место, никого нет, дядя плохо плавает, а я вообще не умею плавать. Ужас был какой-то! Всё же он выплыл из этих бурных вод Терека, выбравшись на берег, сказал: «Я чуть не утонул, ребята!».

– Как Вы считаете, Ольга Сергеевна, может ли Грязовец претендовать на значимое место-пребывание Василия Ивановича Белова, наряду с Тимонихой и Вологдой?

– Однозначно! Здесь по-настоящему началось его творчество, здесь он создал семью, Грязовец дал ему путевку в Литературный институт, сохранились здания, которые помнят Белова. Так что дело за малым – увековечить память о нём и проложить сюда туристский маршрут.

– Спасибо огромное за обстоятельную и интересную беседу.